

УДК 316.004

Александр Голиков*кандидат социологических наук, ст. преподаватель кафедры социологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина***Людмила Сокурская***доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина***Alexander Golikov***Ph.D. in Sociology, Assistant Professor, Department of Sociology at V.N. Karazin Kharkiv National University***Liudmyla Sokuryanskaya***Doctor of Sciences (Sociology), Full Professor, Head of a Department of Sociology at V.N. Karazin Kharkiv National University*

ЗАИНТЕРЕСОВАННЫЙ ВЗГЛЯД НА ИНТЕРЕСНОЕ НАУЧНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИНТЕРЕСОВ

(Рецензия на кн.: Соціальні інтереси в контексті соціокультурної модернізації /
За ред. О.Злобіної. – К. : Інститут соціології НАН України, 2011. – 320 с.)

*«Идея неизменно посрамляла себя,
как только она отделялась от интереса»*

Карл Маркс

*«Осознанные желания становятся интересами
и проявляются как социальные силы»*

Лестер Франк Уорд

Социологический интерес к социальному в широком смысле этого понятия в течение всей истории социологии характеризуется многоцентрированностью поиска его «конечных оснований»: от «социальной реальности» Э. Дюркгейма (оперируемой через социальные факты) до «социальности» действия М. Вебера (отождествляемой с ориентацией на другого), от «подражания» как атома социальности у Г. Тарда до взаимодействия отдельных психик у Ч. Кули. Однако первый методологический кризис рубежа XIX-XX веков, дискуссии Э. Дюркгейма и Г. Тарда, системные (пост)(нео)позитивистские попытки Э. Дюркгейма, В. Парето, Т. Парсонса, К. Поппера, Дж. Александера продемонстрировали, что даже при действительном существовании (что также на данный момент проблематизировано) «конечного основания» социального его поиск на одном из полюсов является непродуктивным

и схематизирующим социальную реальность, редуцирующим её к узкому спектру «конечных оснований» (часто произвольно выбранных исследователем). Именно поэтому вторая половина XX века характеризуется настойчивым поиском «синтезирующих» «конечных оснований» социального (и здесь наиболее заметными являются попытки Н. Лумана, П. Бурдьё, Э. Гидденса, М. Арчер) и «синтезирующих» категорий, объединяющих макро- и микроуровни, номотетическую и идеографическую интерпретацию общества, номиналистскую и реалистическую оптику исследования социального. Среди этих категорий особое место, безусловно, можно и нужно отвести категории «интерес».

Данная категория является глубоко укоренённой в социологической историографии (вспомним, что в качестве теоретических оснований социологии исследователи называют немецкую классическую фило-

софию, шотландскую политэкономическую школу и теорию общественного договора, активно использовавших эту категорию или её протоварианты). Свое «второе открытие» категория «интерес» получила в синтетическом дискурсе социологии XX века. Данная проблема – историографическое и парадигмальное позиционирование категории «интерес» – скрупулёзно обсуждается авторами рецензируемой нами монографии в её второй части «Теоретические контуры исследования». Казалось бы, этот раздел должен был предшествовать всем остальным. Тем не менее, монография начинается с раздела Л. Бевзенко «Объект и субъект исследования в контексте актуальной социокультурной ситуации». На первый взгляд, этот раздел «выпадает» из общей линии исследования. Интерес автора к постнеклассической науке, контекстуальности, антропности, рефлексивности, конструируемости, интерессубъективности современного познания вроде бы слабо соединяется с интересом всего авторского коллектива к проблематике социальных интересов. При первом прочтении возникает ощущение, что только второй параграф этого раздела близок к общей проблеме монографии, поскольку в нем, анализируя соотношение модерна и традиции, автор обращается к проблеме генезиса феномена интереса в рамках разных социокультурных контекстов, взаимосвязи интереса и моральности (с. 25-26) и др. Однако осмысление данного первого раздела в контексте всей монографии убедило нас в том, что этот раздел дает рецензируемой работе своеобразный теоретико-методологический ориентир, акцентируя внимание на принципе контекстуальности в социальной науке.

Как представляется, исходя из именно этого принципа, авторитетный коллектив таких титулованных и известных исследователей, как Д.В. Александров, Л.Д. Бевзенко, И.А. Мартынюк, А.С. Резник, Н.И. Соболева, В.И. Тарасенко, В.А. Тихонович, Н.А. Шульга на более чем сотне страниц анализирует традиции исследования проблематики интереса в социальной теории, в протосоциологическом и междисциплинарном дискурсе, в разрезе дискуссии макро- и микроподходов, концептуализирует и операционализирует понятие «социальный интерес», специфицирует личностные и групповые интересы, предлагает описательную модель социальных интересов в контексте становления и существования социальных групп, а также механизмов и факторов их реализации. Поднятая тематика, прежде

всего нацеленная на социологизацию такого широкого понятия, как «интерес», не может не вызывать одобрения актуальностью постановки задач, множественностью предложенных подходов и интерпретаций, богатством использованного парадигмального и концептуального аппаратов.

Предпринятый авторами анализ проблематики интереса в социальной теории от античности до немецких классиков позволил определить место категории «интерес» в междисциплинарном дискурсе, а также осуществить de facto системный анализ объекта исследования (как его видит В.А. Ядов в своей «Стратегии социологического исследования»). При этом в монографии акцентируется внимание на социальной причинности, структурировании социального пространства, ценностно-нормативной структуре, мировоззрении, власти, конфликте, справедливости как контекстах существования и научного анализа социальных интересов. Эти контексты, несомненно, любопытны и даже оригинальны, хотя, на наш взгляд, им недостает единого концептуального и теоретического стержня.

Такое же замечание может быть сформулировано и по отношению к третьему разделу («Социальный интерес: ключевые признаки»), где дефинирование ключевой категории осуществляется несколько раз (в параграфах 3.1, 3.2, 3.3). Хотя попытка различения в параграфе 3.1 интереса и социального интереса нам кажется небесспорной (во-первых, возникает вопрос: а возможен ли несоциальный интерес; во-вторых, у нас есть сомнения относительно эвристичности категории «социальный интерес» по сравнению с «родовой» категорией), однако её можно отнести к прерогативе авторского коллектива определять собственную исследовательскую стратегию. К этой же прерогативе относится, на наш взгляд, избрание авторами «перспективного подхода» (в особенности по сравнению с пирамидой Маслоу, как аргументирует автор – Л.С., А.Г.), суть которого «состоит в том, что система потребностей субъекта рассматривается в поле как внешних, так и внутренних относительно него динамических ситуаций (связей, отношений, состояний, ощущений и т.д.)» (с. 63). В этом контексте мы считаем нужным подчеркнуть, что отмеченную нами выше методологическую и парадигмальную эклектичность рецензируемой работы можно рассматривать и как предпосылку формирования «стереоскопического», многофакторного, полипарадигмального взгляда на исследуемый феномен.

Продолжая анализ заинтересовавшей нас работы, мы обращаемся к разделам (4, 5), посвященным определению субъектов социальных интересов, а также исследованию социальных интересов как фактора группового взаимодействия. Осуществляя анализ соотношения ценностей и интересов (с. 78), авторы демонстрируют, на наш взгляд, неоднозначную позицию, определяя ценности как то, что субъект должен делать, а интересы – как то, что он хочет делать (чему крайне удивился бы, к примеру, П. Бурдье с его габитуализированной укоренённостью выборов, осуществляемых людьми, а, следовательно, по логике авторского коллектива, - и их интересов). Исследуя включённость социальных интересов в групповой контекст (параграф 4.3), авторы акцентируют внимание на дискурсе «индивидуализм vs общности», на социоструктурном подходе к исследованию групп. В то же время в параграфе «Личностный контекст исследования социальных интересов» речь идёт как раз о группах, классах, самоидентифицировании с ними, о социальных ролях и статусах. Особый интерес и научную значимость, на наш взгляд, имеют такие сюжеты этого параграфа, как связь социальных институтов с идентификационными процессами и развитием автономизации личности, камерных форм ее жизнедеятельности; неустойчивый, изменчивый, мобильный социальный статус как детерминанта неустойчивой, множественной идентичности, фрагментированного, мозаичного социального полипозиционирования, что обуславливает неурегулированность интересов современного человека.

Групповой аспект анализа социальных интересов продолжен в параграфах 5.1-5.3, где анализируются механизмы и факторы реализации социальных интересов, их актуализация в контексте групповой солидарности, группового взаимодействия, групповой памяти и группового опыта. И в этом случае некоторую методологическую неоднозначность (например, резкий переход от макросоциологического к микросоциологическому подходу, в частности к микроэкономике социальных интересов – стратегиям позиционирования, маскировки, лоббирования, стыковки, экспансии социальных интересов) и эклектичность можно опять-таки воспринимать как свидетельство полипарадигмальности предпринятого в монографии анализа социальных интересов, многоаспектности исследовательского бэкграунда и глубины предпринятого анализа.

Эмпирической верификации теоретических гипотез посвящены три следующих

раздела монографии. Осуществляя свой теоретический поиск, авторы в данных разделах приводят собственную классификацию интересов, правда, непонятно, почему эта исследовательски важная процедура не была проведена раньше. Несмотря на определенную идеологизированность некоторых фрагментов монографии, посвященных дискурсу гражданского общества и демократии, достаточно эвристичной как в контексте проблематики исследования социальных интересов, так и в теоретико-социологическом контексте в целом, выглядит попытка использовать теорию ценностных приоритетов Р. Инглхарта для объяснения ресурсной базы реализации социальных интересов в демократическом обществе. Во всяком случае, это может послужить почвой для дискуссий относительно ресурсной природы ценностей.

Весьма продуктивным представляется анализ гражданских практик, предпринятый авторами монографии, в частности инструментальное определение и классификация гражданских практик (с. 156-157), среди которых выделяются гражданско-политические практики, кооперативные практики граждан и практики контактирования с институциями и организациями. На наш взгляд, при избранной стратегии исследования такая классификация хорошо «сработала», в том числе в контексте применения процедуры лог-регрессионного анализа для таких зависимых переменных, как «участие в общественно-политических мероприятиях», «обращения в институции и организации», «членство в гражданских или политических организациях» (на массивах 2002, 2007, 2009 годов).

В 7 разделе монографии фокусируется внимание на исследовании практик реализации социальных интересов в ценностно-нормативном контексте, которое носит скорее теоретический, чем эмпирический характер. Его авторы – И. Мартынюк, Н. Шульга, М. Паращевин – анализируют особенности представлений о социальных интересах в массовом сознании, определяют носителей и выразителей интересов в контексте возможного социального противостояния (здесь центром анализа становится доверие к социальным институтам, партиям, лидерам и недоверие к политике и политическим агентам), моральный вектор реализации интересов в современном украинском обществе (в этом контексте поднимаются острейшие проблемы потребительского поведения, современного мировоззрения, ценностного и морального реля-

тивизма и т.д.), моральной составляющей участия в политических практиках (здесь центр анализа перемещается в плоскость политического шоппинга, политического консьюмеризма, профессионализации политики, «рынковизации» социального поведения), а также социальных интересов и религиозных практик, в частности поднимаются «вопросы способности религии обеспечить социальные интересы» (с. 245).

Наконец, восьмой раздел, посвящённый практикам реализации социальных интересов в контексте социально-психологических (??? – Л.С., А.Г.) трансформаций, описывает социальные образы-конструкты в сети групповых взаимодействий (анализ понятия «наши», межгруппового восприятия в украинском обществе), интересы и личностные стратегии жизни в переходном обществе (здесь наконец-то даётся определение переходного общества, но так и не определяется социокультурная модернизация), а также социальные интересы и жизненный успех, причём социальные интересы редуцируются к представлениям о достижении жизненного успеха (с. 289), правомерность чего вызывает вопросы.

Подытоживая свои впечатления о прочитанной (заметим, с большим интересом) монографии, прежде всего еще раз подчеркнем, что на фоне «сдвига» социологии к анализу микропроблематики, а также «синтетических» тенденций в социологическом теоретизировании работа выглядит чрезвычайно актуальной. Мощная эмпирическая база, которая отличает всю теоретическую «продукцию» Института социологии НАНУ, применение разнообразных современных методов математического анализа социологической информации, в частности методов многомерного анализа, обеспечили рецензируемой монографии методологическую надежность и эмпирическую убедительность.

Несмотря на строгий академический стиль, избранный авторами, яркие публицистические и юмористические вставки (например, кейсы из Интернета, полити-

ческой сферы, современного фольклора) делают чтение монографии невероятно интересным и увлекательным. Естественно, при осмыслении прочитанного у нас возникали вопросы к авторам монографии. Они, в частности, относились, как подчеркивалось выше, к некоторой теоретической эклектичности работы, проблематичности «стыковки» теории и эмпирии, неочевидной связи концептуализации с операционализацией, теоретического анализа и возможных будущих эмпирических разведок, отсутствия четко сформулированных выводов как по отдельным разделам, так и по монографии в целом (будучи несконцентрированными, они (выводы) «растворяются» в ткани всей монографии, что несколько осложняет восприятие ее научной новизны, эвристичности достигнутых результатов). Чрезмерно акцентированным представляется нам политический контекст анализа. Безусловно, социальные интересы обретают наиболее яркую и очевидную «проговоренность», определённую, выявленность именно в политической сфере. Однако специфика украинской (шире – постсоветской, ещё шире – современной глобальной) социокультурной ситуации такова, что социальные интересы всё чаще получают неполитические, публичные, символические, медийные и т.п. выражения. И сам факт возникновения у читателя вопросов подобного порядка свидетельствует о правомерности и эвристичности постановки авторами проблем.

И все-таки главное, что возникает у таких заинтересованных читателей, как мы, после знакомства с монографией «Социальные интересы в контексте социокультурной модернизации», – это желание поздравить именитый авторский коллектив с новой научной победой. Теоретическая глубина монографии позволяет не только решать конкретные научные задачи, но и осуществлять (пере)описание все новых и новых исследовательских полей, «расчищая» и ограничивая/расширяя их для все новых поколений социологов.